

В 80-х он впервые появился на эстраде в своем солнечно-желтом комбинезоне и красном шарфе. Смешной и трогательный, он не был похож на других клоунов. Потому что его Асисей — не Арлекино и не Пьеро — не обходился одной краской, объединяя смешное и грустное.

Мы не виделись семь лет, но узнаем его героя в первую же минуту. Он изменился — повзрослел, но не утратил прежней способности в нашем зыбком мире ощущать величины постоянные.

Спектакль «Snow show/шоу снов» пока был показан в Москве только один раз, но так хочется надеяться на новую встречу. Потому что воздух «снежных снов» Вячеслава Полунина нам необходим — чтобы дышать...

— Вячеслав, первое представление в России через столько лет — как это происходило?

— Это просто восторг — из зала нахлынуло такое море любви, что можно было захлебнуться. Вообще я хочу всегда работать здесь. У нас живут чувствами, живут страстями. Нелогично было бы не стремиться туда, где тебя любят. Но если едешь в Россию, надо быть готовым к тому, что будет больше боли и проблем, чем радости и праздника. Надеюсь, что я скоро смогу приезжать сюда, не беспокоясь о том, что могут пропасть декорации, не будет организована площадка и о многом другом. Очень хочется иметь возможность чаще выступать в Москве.

— Сколько вам было лет, когда вы поняли, что вы — клоун?

— Когда я был в четвертом классе, в новогоднюю ночь показывали «Мальшаша» Чаплина. Я был так потрясен! На следующий год на новогоднюю елку сделал себе чаплинские башмаки, тросточку... Особенно трудно было добиться того, чтобы тросточка была закругленная, но мне это все-таки удалось. А еще через год в сочинении «Кем ты хочешь стать?» я написал о том, что хочу быть клоуном. Так что в принципе уже в школе все было решено. Правда, потом другое искусство — пантомима — прилетело в нашу страну с Мар-

селем Марсо. И на время конечно погружаться. Самое сильное впечатление на меня произвела его новелла из фильма «Три шага в бреду». Это одно из самых сильных впечатлений от искусства в моей жизни вообще. До этого я занимался актерским театром, основанным на актерской энергии, а когда увидел этот фильм, начал заниматься театром визуальным, который всем своим миром, всем пространством погружает в сны, мечты.

Кроме того, я теперь применяю очень много непрямого воздействия на зрителя. Между нами образуется какая-то эмоциональная ниточка. Она держит. Для меня сейчас очень важный этап — метафизической клоунады — воздействия не определимым словами путем. Атмосферой, может быть.

— Перед спектаклем вам нужно самому как-то входить в это состояние?

— Нет, это во мне так сильно, что, наоборот, приходится из него выходить. Для этого я иногда слушаю какую-нибудь совсем простенькую песенку.

— В создании сценического пространства вам кто-то помогает или вы все придумываете самостоятельно?

— Я очень люблю живопись и вообще несловесные формы выражения... Поэзию пространства, движения. Многие вещи я придумываю сам. Но с какого-то момента я начал искать себе соратников. Мне очень понравились декорации и куклы художника Виктора Плотникова. Мне показалось, что их нежность и поэтичность близки моему миру, и я не ошибся. В декорациях в «Snow show/шоу снов» мы настолько совпали в наших идеях, что уже непонятно, где я, а где он. Я сейчас все активней ищу партнеров, тех, кто тоже любит карнавал, странное фантастическое пространство. В новых спектаклях я работаю с художниками Теодором Тежеком и Мишей Шемякиным.

— О чем эти новые спектакли?

— Это пантомимическая клоунада и визуальный театр, потому что я выража-

ю не только персонажем, но и пространством, цветом, декорациями. До конца я сам не могу определить, что это такое... Просто я делаю то, что мне нравится.

— Кажется, по воздействию на зрителя ваши представления сродни фильмам Феллини...

— Феллини я обожаю! Для меня это потрясающий мир, в который я могу бес-

— Одна программа — «Баден-баден» — по мотивам произведений Хармса. А другая — «Diabolo». Программа — эпическая, странная, в ней два персонажа: Дьявол и Шут. Их путешествие в пространстве и времени, из бесконечности в бесконечность. Поначалу я отталкивался от живописи Шемякина, а теперь меня затащило уже в такие глубины — куда-то между «Боже-

теми, с кем находилась вместе, а сейчас мотаюсь по всему свету и там, где бываю, у меня и появляется труппа. Когда у меня есть какой-то контракт, звоню друзьям и приглашаю тех, кто свободен. Бывает, что мы работаем вдвоем, а бывает и пятнадцать человек на сцене. Здесь, в Москве, у меня совершенно замечательная труппа. Актеры из Нальчика, Эстонии, Италии, Москвы. И конечно,

в тетрадку идеи, которые ко мне приходят.

А когда начинается работа над спектаклем — у меня вся ванная сверху донизу бывает исписана разными сюжетами. Самое любимое занятие — я ложусь в ванну и начинаю вспоминать. Справа целый список — пространство, слева — персонажи, там — метафоры. Каждый кафельный квадратик имеет свою тему, и туда все вписывается фломастером. Перед премьерой все эти черные строки так давили своей энергетикой, что моя жена уже в эту ванную просто старалась не заходить!

— Пьер Ришар в своих интервью говорил, что ему для жизни необходимо, чтобы поблизости всегда была вода, а какая стихия необходима вам?

— В этом мы с ним близнецы-братья. Я тоже обожаю воду! Хотя большие пространства — океаны и моря — меня пугают. У меня японски тихое отношение к воде — чтобы гладь была и журчало. Однажды на гастролях в Канаде меня поселили не в городе, а в маленьком домике на берегу большого озера. Я целыми днями ловил рыбу и в город ездил только на спектакли. Я бы всегда так жил...

— Ваши сны похожи на ваше шоу снов?

— Самое смешное и грустное, что уже много лет я не вижу сны. До того извелся, что даже стал возить за собой подушку. Думал, может, это из-за подушки... Ведь там, на Западе, то валик какой-то, то «лапша», а нашу «кустодиевскую» подушку нигде не найдешь! Я взял ее здесь, у мамы, но все равно не помогло. А раньше я видел много снов, и очень многое из них реализовал в спектаклях. Но чаще всего в них сны из моего детства.

● Мария МИХАЙЛОВА

СОЛНЦЕ ПО ИМЕНИ АСИСЕЙ

Чтобы мы смеялись, клоуны должны грустить

Новая газ. - 2000 - 20-26 марта - с. 31

селем Марсо. И на время конечно погружаться. Самое сильное впечатление на меня произвела его новелла из фильма «Три шага в бреду». Это одно из самых сильных впечатлений от искусства в моей жизни вообще. До этого я занимался актерским театром, основанным на актерской энергии, а когда увидел этот фильм, начал заниматься театром визуальным, который всем своим миром, всем пространством погружает в сны, мечты.

Кроме того, я теперь применяю очень много непрямого воздействия на зрителя. Между нами образуется какая-то эмоциональная ниточка. Она держит. Для меня сейчас очень важный этап — метафизической клоунады — воздействия не определимым словами путем. Атмосферой, может быть.

— Перед спектаклем вам нужно самому как-то входить в это состояние?

— Нет, это во мне так сильно, что, наоборот, приходится из него выходить. Для этого я иногда слушаю какую-нибудь совсем простенькую песенку.

— В создании сценического пространства вам кто-то помогает или вы все придумываете самостоятельно?

— Я очень люблю живопись и вообще несловесные формы выражения... Поэзию пространства, движения. Многие вещи я придумываю сам. Но с какого-то момента я начал искать себе соратников. Мне очень понравились декорации и куклы художника Виктора Плотникова. Мне показалось, что их нежность и поэтичность близки моему миру, и я не ошибся. В декорациях в «Snow show/шоу снов» мы настолько совпали в наших идеях, что уже непонятно, где я, а где он. Я сейчас все активней ищу партнеров, тех, кто тоже любит карнавал, странное фантастическое пространство. В новых спектаклях я работаю с художниками Теодором Тежеком и Мишей Шемякиным.

— О чем эти новые спектакли?

— Это пантомимическая клоунада и визуальный театр, потому что я выража-

ю не только персонажем, но и пространством, цветом, декорациями. До конца я сам не могу определить, что это такое... Просто я делаю то, что мне нравится.

— Кажется, по воздействию на зрителя ваши представления сродни фильмам Феллини...

— Феллини я обожаю! Для меня это потрясающий мир, в который я могу бес-

— Одна программа — «Баден-баден» — по мотивам произведений Хармса. А другая — «Diabolo». Программа — эпическая, странная, в ней два персонажа: Дьявол и Шут. Их путешествие в пространстве и времени, из бесконечности в бесконечность. Поначалу я отталкивался от живописи Шемякина, а теперь меня затащило уже в такие глубины — куда-то между «Боже-

теми, с кем находилась вместе, а сейчас мотаюсь по всему свету и там, где бываю, у меня и появляется труппа. Когда у меня есть какой-то контракт, звоню друзьям и приглашаю тех, кто свободен. Бывает, что мы работаем вдвоем, а бывает и пятнадцать человек на сцене. Здесь, в Москве, у меня совершенно замечательная труппа. Актеры из Нальчика, Эстонии, Италии, Москвы. И конечно,

в тетрадку идеи, которые ко мне приходят.

А когда начинается работа над спектаклем — у меня вся ванная сверху донизу бывает исписана разными сюжетами. Самое любимое занятие — я ложусь в ванну и начинаю вспоминать. Справа целый список — пространство, слева — персонажи, там — метафоры. Каждый кафельный квадратик имеет свою тему, и туда все вписывается фломастером. Перед премьерой все эти черные строки так давили своей энергетикой, что моя жена уже в эту ванную просто старалась не заходить!

— Пьер Ришар в своих интервью говорил, что ему для жизни необходимо, чтобы поблизости всегда была вода, а какая стихия необходима вам?

— В этом мы с ним близнецы-братья. Я тоже обожаю воду! Хотя большие пространства — океаны и моря — меня пугают. У меня японски тихое отношение к воде — чтобы гладь была и журчало. Однажды на гастролях в Канаде меня поселили не в городе, а в маленьком домике на берегу большого озера. Я целыми днями ловил рыбу и в город ездил только на спектакли. Я бы всегда так жил...

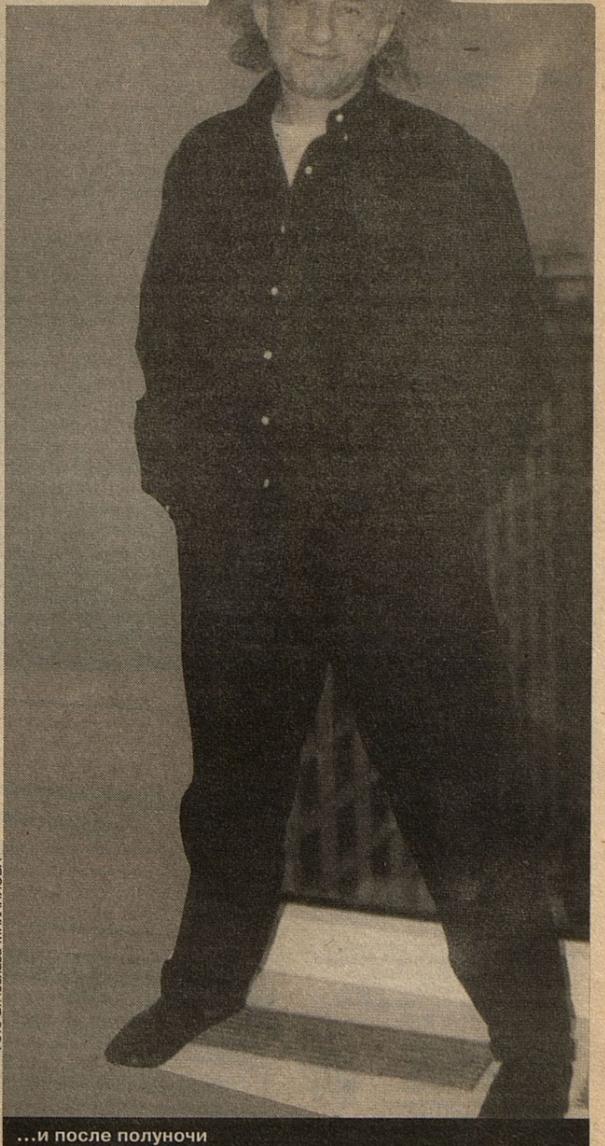
— Ваши сны похожи на ваше шоу снов?

— Самое смешное и грустное, что уже много лет я не вижу сны. До того извелся, что даже стал возить за собой подушку. Думал, может, это из-за подушки... Ведь там, на Западе, то валик какой-то, то «лапша», а нашу «кустодиевскую» подушку нигде не найдешь! Я взял ее здесь, у мамы, но все равно не помогло. А раньше я видел много снов, и очень многое из них реализовал в спектаклях. Но чаще всего в них сны из моего детства.

● Мария МИХАЙЛОВА

Вячеслав ПОЛУНИН: до...

...и после полуночи

Фото Виктора БАЖЕНОВА

Фото Вячеслава МИХАЙЛОВА

Полунин Вячеслав

20.3.2000

271